

Между реакцией и революцией (Чернышевский и Герцен: послание потомкам)

Завет Чернышевского

Много глупостей понаписано о Николае Гавриловиче Чернышевском.

Одни (сегодня имя им – легион) с либерально-гуманистическим пафосом негодуяще пишут: «Чернышевский? Да это тот, который «звал Русь к топору»! И закончились эти призывы топорами кровавых сталинских репрессий. Ату его!».

Другие (оттертые на обочину идейно-политической жизни, а когда-то, в эпоху «реального социализма», - законодатели идеологических мод) слегка примолкли, но продолжают в своих маргинальных изданиях тянуть свои старые песни: «Да, звал к топору. И правильно делал! Как же без революции?».

Глупости – и то, и другое. Ни к какому «топору» не звал Николай Гаврилович. Наше время – это время сплетен. *Тексты* статей, книг идейных оппонентов не читают. Свои суждения на них не основывают. Всё время ссылаются на какие-то частные разговоры и косвенные свидетельства. Вот кто-то там в эмиграции кому-то сказал, что Ленин этому «кто-то» однажды якобы сказал, что он готов уничтожить 9/10 русского народа во имя остающейся 1/10 – и поднимается на основе этой «информации» вой: вот каков этот Ленин - кровавый палач и ненавистник русского народа. Да у Ленина 55 томов текстов, открытых для всеобщего чтения и обозрения. Ну, откройте их, ну, найдите хотя бы отдаленный намек на вашу сплетню.

Мне хорошо понятна мотивация этих разносчиков сплетен. Тут говорит их классовый, сословный интерес. Ну, хочется представить им дело так, что Колчак, Врангель – святые люди, ибо колчаковцы видели в социальном неравенстве благо. А это - моральное оправдание разносчикам сплетен, оправдание их

богатств, награбленных в «лихие 90-е». А вот ленинцы – это «мерзавцы», ибо выступают за социальное равенство, требование которого ставит под угрозу миллиардо-долларовые состояния современных колчаковцев! Тут любая сплетня желанна. Чего ж тут удивляться? Чего ж тут не понять?

Ну, и социалист Чернышевский, который Ленина «всего перепахал», конечно же, у них из разряда извергов кровавых: к топору, гад, звал Россию.

Оставьте же, наконец, вы эту сплетню, господа хорошие. Давно доказано и передоказано серьезными историками, бережно относящимися к фактам, что фраза о «топоре» принадлежит деятелю из того круга людей, к которым Чернышевский относился с большим подозрением и нескрываемой иронией.

Так что же, спросите вы, Чернышевский был вообще против революционной борьбы, против революции?

Да, отвечаю я, он, действительно, хотел бы избежать революции. Но не с помощью идиотских уверений, свойственных и некоторым нашим современникам, что «лимит на революции исчерпан». Его позиция – другая. Исключительно глубокая и в высшей степени поучительная для нынешнего поколения людей, готовящихся преобразовать Россию.

Вот его, по сути, Завещание. По нему и следует судить-рядить о Чернышевском.

Впрочем, для него оно не было «Завещанием». Оно *стало* таковым, по сути. Дело в том, что через пару месяцев его деятельность была пресечена. По сфабрикованному подлогу Чернышевский был приговорен судом «гуманного» императора Александра II к 14 годам каторги. По сути это была форма убийства оппозиционного журналиста, террористический акт самодержавного государства. «Чернышевский был вами выставлен к столбу, - откликнулся на этот варварский приговор Герцен, - а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему. Проклятье вам,

проклятье – и, если возможно, месть!». И – дальше: «неужели никто из русских художников не нарисует картины, представляющей Чернышевского у позорного столба? Этот обличительный холст будет образ для будущих поколений и закрепит шельмование тупых злодеев, привязывающих мысль человеческую к столбу преступников, делая его товарищем креста»¹.

«Завещание» Чернышевского называлось «Письма без адреса». Хотя адрес легко угадывался: Александр II. Это был очень серьезный и очень ответственный разговор с Властью.

Начинается он с очень откровенной и ясной обрисовки диспозиции: «Милостивый государь! Вы недовольны нами. Это пусть будет как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас вы и не от вас мы должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды»². Итак, он идет на переговоры с Верховным правителем, но не рядится в тогу его советчика. Он не скрывает: мы по разные стороны баррикад. Но обстоятельства жизни русского народа и наше с вами в них положение складываются таким образом, что нам с вами придется сесть, что называется, за стол переговоров. Мы обязательно должны объясниться, мы должны понять предгрозовую ситуацию, в которой оказалось российское общество и мы с вами, как его часть. Иначе – Беда. Беда – и народу, о котором мы с вами так печемся, и вам, властителям, и нам, партии просвещения, партии русской демократической интеллигенции. Легкого, простого выхода из этой ситуации нет. «Вы сваливаете вину своих неудач на нас; некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, если б эти некоторые из нас или вы были правы в таком объяснении своих успехов. Тогда задача решалась бы очень легко устранением внешнего препятствия успеху дела» И

---

¹ Герцен А.И. Сочинения в девяти томах. Т. 8. М., 1958. С. 210.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. Т. X. С. 90.

далее – главное (что стоит выделить жирным шрифтом): «**Но грустно то, что никакие наши действия против вас или ваши против нас не могут привести ни к чему полезному**». Почему же? «Апатичен остается народ: какой же результат могли бы произвести ваши заботы или наши хлопоты о его пользах, хотя бы вы или мы и остались на поле действия одни?»³. «Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выходило что-нибудь полезное для него»⁴. Но однажды под давлением жизненных тягот он вынужден будет подняться на свою защиту – такая развязка событий чревата...

И далее – **центральное место статьи:**

«Когда люди дойдут до мысли: ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел», они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все лица и общественные слои, отдельные от народа, *трепещут этой ожидаемой развязки* (т.е. – революции – Г.В.). Не вы одни, а также и *мы желали бы избежать ее*. Ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять как единственный предмет наших желаний, потому что он совершенно чист и бескорыстен, — интерес просвещения. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. *Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию.*

Потому *мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел*. Нас так ослепляет страх за себя и свои интересы, что мы не хотим даже рассуждать, какой ход событий был бы полезнее для самого народа, и мы готовы для

---

³ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. Т. X. С. 91.

⁴ Там же.

отвращения ужасающей нас развязки забыть все: и нашу любовь к свободе и нашу любовь к народу.

Под влиянием этого чувства обращаюсь к вам, милостивый государь, с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для вас и для нас» (курсив всюду наш – Г.В.)⁵.

Тут-то и изложена вся суть дела. Чернышевский против *революционного* способа разрешения социального тупика, ибо результат будет печален для всех – и «для вас», и «для нас», и «для самого народа». Он пытается разъяснить это правящим силам, склоняя их к принятию необходимых шагов навстречу народным интересам. И вместе с тем мало рассчитывает на успех этой своей попытки – слишком силен эгоизм сословия, стоящего у власти. Эгоизм этот отбивает даже чутье опасности, которая грозит самому этому сословию. Да, Чернышевский осознает: слишком ничтожны шансы достучаться до разума власть имущих. И всё же он делает эту почти безнадежную попытку: а вдруг хоть что-то прочистится в мозгах правящих. И, во всяком случае, он сделал всё, что мог, для цивилизованного (не-кровавого) разрешения социальных противоречий. Он предупредил. Не внемлите – получите революционное потрясение, когда всем мало не покажется.

Короче: Чернышевский не зовет ни к «топорам», ни к революции. Но вся политика правящего слоя такова, что она (эта политика!) подготавливает революционный взрыв. И в случае, если это всё-таки произойдет, то задача партии прогресса, «партии Чернышевских», будет не в том, чтобы проклинать начавшуюся против ее воли революцию, а попытаться ввести ее в более или менее цивилизованное русло.

Завещание Герцена

Оно, как и у Чернышевского, – в письмах-статьях. Только не к Верховному правителю России, а – «К старому товарищу». То есть – к Михаилу Бакунину, с которым они вместе, с молодых

---

⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. Т. X. С. 92.

лет, шли, связанные единой страстью революционного преобразования России. И вот в конце жизни Герцен итожит их опыт деятельности, прокладывая широкий водораздел между собой и своим старым другом и предлагая читателю выбирать, по какую сторону водораздела готов он встать.

Выбирая ту или другую сторону, надо очень внимательно присмотреться к тому различию пространств, как оно представляется Герценом. Надо поосновательнее вникнуть в тонкости герценовского письма. Иначе можно чересчур грубо, примитивно, упрощенно понять описываемое Герценом различие позиций. Что уже не раз случалось в герценоведении, когда суть этих разногласий видели в отходе Герцена от прежних своих идеалов – идеалов революции и социализма, по какой причине и возникала его острая критика Бакунина, остававшегося на позициях революционера-социалиста. В общем: мирно настроенный, склонный к либерализму просветитель против страстного революционера и социалиста.

Ничто не может быть примитивней такой оценки. Дело – совсем, совсем в другом. «Великого человека, - сказал как-то Плеханов о Белинском, - легче не понять, чем понять» «Легче» - ибо содержание его писаний кажется легко схватываемым. Но не заблуждайтесь. За внешней простотой у «великих» – глубокое, скрытое от поверхностного взгляда содержание, что называется, с двойным, а то и тройным дном. Не просто пробиться к этим глубинам. Придется пустить в ход всю свою эрудицию, свою интеллектуальную энергию. «Легче не понять» - это и о Герцене. Попробуем же, осторожно и аккуратно двигаясь по тексту его статьи, **понять** истинные смыслы его утверждений.

Начнем с того, что его расхождения с Бакуниным совсем не по линии «социализм» – «не социализм». Нет, пишет Герцен, «нас занимает *один и тот же* вопрос». И «конечное разрешение» его (то есть достижение рубежа социалистических идеалов) «у нас *обоих одно*». «Ни ты, ни я, мы не изменили наших убеждений» в главном; «дело между нами *вовсе не в*

разных началах и теориях, а в разных методах и практиках, в оценке сил, средств, времени, в оценке исторического материала»⁶.

И в чем же суть отмеченных Герценом разногласий? «Ты, - обращается он к Бакунину, - рвешься вперед по-прежнему со страстью разрушения... Я не верю в прежние революционные пути...»⁷. Ну вот, сделает быстрый вывод простодушный читатель, Бакунин верит в революционные средства борьбы, Герцен – нет. Но вчитайтесь в текст Герцена повнимательней. Он не верит лишь в *прежние* революционные пути. Вы понимаете – в «прежние»? У него складываются новые, отличные от *прежних*, представления о революционно-преобразовательной деятельности. В *этом* суть дела.

И каково же содержание этой новизны? В основе прежних революционных представлений лежит идея *радикального насилия*, ломающего старый социальный мир и создающего новый мир социального равенства. И такой революционный радикализм в общем-то понятен. «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима». Эта-то «невыносимость» и порождает страстное желание ускорить исторический процесс, «и многие из нас... торопятся и торопят других»⁸. Но опыт этих страстных порывов (в которых Герцен принимал ту или другую степень участия) вынудил его уточнить ряд своих теоретических постулатов.

Он пишет, к примеру, о «тяжелых испытаниях» революционных событий 1848 года, об этом «примере кровавого восстания, в минуту отчаяния и гнева сошедшего на площадь». И какие из него извлекаются уроки? С одной стороны, хотя восставшие были смелы и самоотверженны, но оказалось, что у них, по сути, «нет знамени». И «что было бы, - задается вопросом Герцен, - если б победа стала на сторону баррикад?». Поскольку у восставших не было «ни одной строящей, органической мысли», то их «экономические

---

⁶ Герцен А.И. Сочинения в девяти томах. Т. 8. М., 1958. С. 399.

⁷ Там же. С. 410.

⁸ Там же. С. 400.

промахи, не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут к разорению, к застою, к голодной смерти». Иначе говоря, подытоживает он, «насилием» - без ясных программ преобразований, без опоры на массовые социальные силы – новый, лучший мир не создать. «Подорванный порохом весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями *какой-нибудь буржуазный мир*», мир новых форм насилия⁹.

В общем, «хотели взять грудью, усердием, отвагой и шли зря, на авось». А «на авось», без ясно продуманных программ преобразований, без масс, готовых биться за эти программы, победить и построить новый, лучший мир невозможно. Более того, «сплоченный в одну дружину, мир консервативный побил его (восстание – Г.В.) – и следствие этого было ... ретроградное движение»¹⁰. То есть выступление «на авось» не только не продвигает общество по пути прогресса, но даже провоцирует «ретроградное движение» - погружающее общество в более глубокую социальную трясину.

«Мы на авось не пойдем»¹¹ - таков вступительный тезис Герцена в его новую социально-преобразовательную стратегию. Ну, а если «не на авось», то как?

Начнем с центрального тезиса. Задолго до булгаковского профессора Преображенского Герцен знал, что «разруха» - не во внешнем обстоятельстве, а, прежде всего, в «головах человеческих». Герцен создал афоризм-шедевр, афоризм, вобравший в себя основную идею герценовской теории: «Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*»¹². Тут в свернутом, «геномном» виде – вся философия социально-преобразовательной деятельности: нацеливаясь на преобразование социального бытия, озаботьтесь подготовкой к этому человеческих голов, сознания людей. Если сознание, а точнее политическая культура масс будет

---

⁹ Там же. С. 400-401.

¹⁰ Там же. С. 400.

¹¹ Там же. С. 401.

¹² Там же. С. 414.

монархическая, тоталитарная, патерналистская, то какие бы вы не вводили «демократические» институты, структуры и процедуры, патерналистские установки народа в конечном счете переиначат их, наполнят далеко не демократическим содержанием. Эту закономерность в забавной образной форме выразил один из недавно ушедших политиков: «Строим новую политическую партию: на «входе» закладываем «демократические», толерантные принципы, а «на выходе» - опять КПСС». И он же: «Начинаем конверсию: «на входе» - заготовки кастрюль, сковородок, а «на выходе» - опять автомат Калашникова».

Хотите осуществления прогрессивных социально-политических преобразований - трудитесь в сфере политической культуры людей, воздействуйте на человеческие головы. Причем относитесь к людям не как к пассивному «объекту» воздействия. Постарайтесь понять как *активных субъектов* истории – с их чаяниями, надеждами, интересами, культурными установками и политическими ориентирами. «Народное сознание, - пишет Герцен, - так, как оно выработалось, представляет *естественное*, само собой сложившееся...произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач людского сожития, разных инстинктов и столкновений – его надобно принимать за *естественный* факт... - изучая его, овладевая им и направляя его же средства сообразно нашей цели»¹³. «Народное сознание», «политическая культура» масс – это объективная данность, это важнейший фактор социально-преобразовательной деятельности. И они не поддаются легкому и быстрому преобразованию. Конечно, хотелось бы побыстрее и поосновательнее «внести» прекрасные идеи и идеалы в головы «обиженных и угнетенных». Но что делать? «Знание и пониманье не возьмешь никаким *coup d'etat* (государственным переворотом, силой – Г.В.) и никаким *coup de tete* (наскоком – Г.В.)»¹⁴. «Излечение от предрассудков, -

---

¹³ Герцен А.И. Сочинения в девяти томах. Т. 8. М., 1958. С. 402.

¹⁴ Там же. С. 400.

пишет далее Герцен, - медленно, оно имеет свои фазы и кризисы»¹⁵. Насилие тут бессильно, скоропалительность – неэффективна и опасна. Это не означает, что невозможно активно влиять на ситуацию в сфере общественного сознания, в пространстве политической культуры. Нет, «ускорять внутреннюю работу» можно и нужно. «Сомнения нет. Что акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия, но в *известных* пределах - их трудно установить и страшно переступить»¹⁶. Но, во всяком случае, тут нельзя – и снова запоминающийся герценовский афоризм: тут нельзя «шагать семимильными сапогами из первого месяца беременности в девятый»¹⁷.

И далее слышавший (и не без основания) за радикального (революционного) деятеля Герцен пишет шокирующую с точки зрения радикала фразу, и пишет ее не без некоторого вызова и даже гордости: «Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разуменья. Математика передается постепенно, от чего же конечные выводы мысли и социологии могут прививаться, как оспа, или вливаться в мозг так, как вливают лошадям сразу лекарства в рот?»¹⁸. Да, Герцен отдает себе отчет, что эти мысли звучат необычно даже кощунственно для традиционного революционного уха: «Высказать это в том кругу, в котором мы живем, требует если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, как брать во всех вопросах самую крайнюю крайность»¹⁹.

И ему достало на это мужества. И добавлю: его программа не стала от этого менее революционной. Просто она не в духе *прежних* революционных установок. Она стала революционной на новый лад.

---

¹⁵ Там же. С. 402.

¹⁶ Там же. С. 400.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 407.

¹⁹ Там же. С. 410.

Она, повторяю, не перестала быть революционной, ибо осталась нацеленной на *коренное* (т.е. – революционное) преобразование общественных отношений. В ней просто предложены иные способы осуществления прежней задачи. Способы, ведущие к ее действительному, а не иллюзорно-утопическому решению.

И три момента этой по-новому революционной программы особенно важны и имеют особо важное значение для современной социально-преобразовательной деятельности.

Первое. «Новый водворяющий порядок, - пишет Герцен, - должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти всё, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу всё не мешающее, разнообразное, своеобразное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании»²⁰. Из этих слов встают очертания нового облика социализма, не сводящего всё к проблеме «пропитания». Социализма, богатого духом и художественным смыслом. Способным сохранять всё богатство мировой культуры, выработанной человечеством на протяжении многих веков. Социализм Герцена не рвет связь времен, он укрепляет и развивает ее.

Второе. Герцен, как и Чернышевский никого не успокаивает насчет возможных в будущем революционных преобразований. Он не дает гарантии, что будущее обойдется без революций. Он, как и Чернышевский, хотел бы их избежать. И так же, как Чернышевский, предупреждает: мир «капиталистов и собственников» должен пойти на уступки интересам рабочих, найти формы «сделок» и реформ, облегчающих положение рабочего сословия. «А не пойдет (на реформы) – тем хуже для него, он сам себя поставит *вне закона* – и тогда гибель его отсрочится только на столько, насколько у нового мира нет

---

²⁰ Герцен А.И. Сочинения в девяти томах. Т. 8. М., 1958. С. 405.

сил»²¹.

И третье. Чтобы «гибель» этого мира наемного рабства не привела к гибели общества в целом, чтобы под его обломками не была размолота мировая культура, нужно, чтобы субъект преобразования социального мира был на уровне современной цивилизации, современной культуры. Чтобы субъект этот был способен сохранить и преумножить производительные силы человечества. Нужна поэтому неустанная и титаническая работа передовых людей по формированию нового общественного сознания, новой политической (и общей) культуры народных масс. И тут – вещие слова-заветы о специфике наступающей предреволюционной эпохи: «Наше время – именно время окончательного изучения, того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления так, как теория паров предшествовала железным дорогам»²². Иначе говоря, Герцен провозглашает начало эпохи нового Просвещения, подобной эпохе французских просветителей, сочинения которых, идеи которых предваряли Великую французскую революцию конца 18 века.

«Просвещение», деятельности в сфере «слов» - разочарованно протянут радикально настроенные люди, читая эти призывы Герцена. Таких «радикалов», иронизирующих по поводу «просвещения» хватает во все эпохи. Немало их было и во времена Герцена. Эти «нетерпеливые люди» наседали на него. «Время слова, - цитирует их инвективы Герцен, - прошло; время дела наступило». И знаменитая герценовская отповедь: «Как будто *слово* не есть *дело*? Как будто время слова может пройти? Враги наши никогда не отделяли *слова* и *дела* и казнили за *слово* не только одинаким образом, но часто свирепее, чем за *дело*»²³.

Запомним же эти слова нашего великого предшественника!

---

²¹ Там же. С. 406.

²² Там же. С. 401.

²³ Там же. С. 411-412.